

В МИРЕ
КНИГ

**Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук
и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории**

Серия "Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки". Вып. 9.

СПб.: Реноме, 2018. Кн. I. 704 с. Кн. II. 642 с.

© 2019 г. Э.И. Колчинский^{1*}, С.И. Зенкевич^{2**}

¹Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: ekolchinsky@yandex.ru; **E-mail: s.zenkevich@gmail.com

Поступила в редакцию 07.08.2018 г.

Поступила после доработки 07.08.2018 г.

Принята к публикации 21.09.2018 г.

Ключевые слова: архивные материалы, Российская империя, Императорская Санкт-Петербургская академия наук, государственная власть и Академия наук, президент Академии наук, политическая и общественная позиция Академии наук.

В 2018 г. увидело свет второе издание монографии "Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории", подготовленной коллективом Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Капитальное исследование посвящено истории взаимоотношений Академии наук и государственных структур России, то есть науки и власти. Авторы справедливо относят свой труд к социальной истории науки.

Монография входит в серию "Ad fontes" (в переводе с латинского — "К истокам"). Крылатое выражение, давнее название серии, традиционно призывает обращаться в научной работе к первоисточникам, не брать материал из вторых рук. Для коллектива СПбФ АРАН, в распоряжении которого находится богатейшее собрание документов, это *conditio sine qua non* — неперемное условие. Название серии применительно к рецензируемому исследованию высвечивает и другой аспект проблемы: актуальность прошлого. Именно теперь, когда Академия наук в течение пяти лет подвергалась реформированию, важно учесть накопленный за три столетия опыт и проследить в исторической

развёртке диалог "первенствующего учёного сословия" с властью.

Эта непростая коммуникация началась во времена первого президента Академии наук Л.Л. Блюментроста. Она касалась и тематики исследований, и статуса учёных, и законодательного урегулирования в сфере науки, и степени вмешательства государства в планирование и ход научной деятельности, и связи науки и образования, и соотношения бюджетного и внебюджетного финансирования работ. Кроме того, как убеждает рассматриваемый труд, диалог с властью определяет международную репутацию Академии наук и государства в целом, тем более с учётом большого вклада в деятельность академии иностранных учёных.

Книга оригинальна по замыслу и чрезвычайно тщательно по его воплощению. Она состоит из ряда исторических очерков, сопровождаемых корпусом выявленных, что само по себе является непростой задачей, и подробно прокомментированных и проинтерпретированных документов. Исследование, в зависимости от раздела, построено по хронологическому и тематическому принципам. Научная новизна заключается не только во введении в научный оборот большого количества новых документов, отобранных под определённым углом зрения, но также в формулировке самих сюжетов, касающихся такой широкой темы, как диалог власти и науки, понимаемой как социальный институт.

КОЛЧИНСКИЙ Эдуард Израилевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН.
ЗЕНКЕВИЧ Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник БАН.

Через все очерки, написанные разными исследователями, лейтмотивом проходит мысль: Российская академия наук с момента основания была государственным учреждением, от которого в первую очередь ждали решения государственных задач. Ещё Пётр I привил государству преимущественно утилитарный взгляд на деятельность основанного им научного департамента. Задачи, в разное время встававшие перед академией, проходят в книге через фильтр их прикладной функции, которая может быть неочевидной, но авторы стремятся раскрыть её и попутно показать глубокий фундаментальный смысл деятельности высшего научного учреждения. И это вполне естественно подводит читателя к мысли, что погружение академиков, например, в решение оборонных задач во время Первой мировой войны произошло не на пустом месте, а имеет под собой давнюю прочную традицию. Причём, что характерно, исконное прикладное значение — это черта именно нашей академии, с первых лет существования активно вовлечённой в подготовку научных кадров (в её ведении находились Университет и Гимназия). Такой особенности не было у западных академий, к решению педагогических задач напрямую не привлекавшихся. Огромное просветительское значение имели публичные лекции академиков.

Первый раздел хронологически охватывает XVIII в. Тематически первая его часть (авторы — М. В. Мандрик и Е. В. Долгополова) посвящена персоналиям президентов и директоров Академии наук и их диалогу с государством. Своеобразным символом такого диалога стали личные взаимоотношения Екатерины II и Е. Р. Дашковой. Далее рассмотрено выполнение академией государственного заказа в области науки (автор — Е. Н. Груздева). В XVIII в. он заключался прежде всего "в научном освоении страны" (академическим экспедициям посвящён отдельный раздел второй книги). Весомой прикладной задачей, направленной на укрепление международного авторитета России, была переписка с учёными и научными организациями европейских государств (она преподнесена именно под утилитарным углом зрения), налаживание контактов, а также организация международных конкурсов. Практические задачи решали и академики-гуманитарии: это переводы, составление национальной истории, издательская деятельность. Единственный официальный периодический печатный орган, по сути правительственный, — газета "Санкт-Петербургские ведомости" — с 1728 г. находился в ведении Академии наук. Делу просвещения служили «Примечания на "Ведомости"» — своего рода журнал популярных статей (издание прекратилось в 1742 г. и возродилось в 1754 г. как "Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие"). В XVIII в. Академия наук сыграла одну из ведущих ролей в распространении просвещения

и популяризации научных знаний и в Петербурге, и в провинции.

Основание Библиотеки Академии наук авторы относят к 1725 г. (с. 172). Предложенная датировка несколько противоречит традиции. С какой даты отсчитывать историю учреждения — это нередкая проблема для историка, когда в распоряжении исследователей нет какого-либо общепризнанного уставного документа. В 2014 г. БАН широко отмечала своё 300-летие. Датой основания Кунсткамеры с Библиотекой — ещё до учреждения Академии наук — традиционно считается 1714 г. Применительно к Библиотеке — это начало систематической работы с фондами нескольких объединённых книжных коллекций, собранных первоначально в Летнем дворце Петра I. Авторы рецензируемого издания считают отправной точкой БАН факт передачи Екатериной I в академию придворной (императорской) библиотеки, уже насчитывавшей около 12 тыс. томов. Как представляется, традиционную датировку следовало бы упомянуть, хотя бы в качестве опровергаемой.

В отдельной главе раздела 1 (автор — Т. В. Костина) рассмотрена деятельность академических Гимназии и Университета по подготовке различных элит (бюрократической, научной, культурной и т. п.) Российской империи. Особый акцент сделан на численности и социальном составе учащихся. Этот анализ позволяет оценить зависимость Академии наук от правительственной политики в сфере практических вопросов функционирования учебных заведений. На протяжении XVIII в. благодаря этим учреждениям значительно увеличилось число образованных людей в России.

Раздел 2 (автор — Е. Ю. Басаргина) посвящён периоду с начала XIX по начало XX в., когда Академия наук оказалась в прямом подчинении Министерства народного просвещения, учреждённого в 1802 г. В целом раздел структурирован как и предыдущий. Во-первых, даны портреты руководителей академии, которые названы здесь "государственными тяжеловесами", поскольку в большинстве своём, помимо руководства наукой, они занимали важные государственные посты (например, при "просвещённом сановнике" николаевской администрации президенте Академии наук С. С. Уварове в 1836 г. был принят академический устав, действовавший вплоть до 1927 г.). Во-вторых, описано государственное задание академии, тесно связанное с диалогом науки и власти.

Государственный заказ в сфере науки в XIX в. принял более масштабные формы, чем раньше. Академия стала высшим экспертом в вопросах науки и приступила к оценке конкурсных работ; произошла централизация научных исследований, началась разработка проектов научно-исследовательских институтов, создание академических музеев. Академические премии стали важным средством поощрения

научной деятельности. Неслучайно в настоящее время возрождены Демидовская премия (1993) и Премия митрополита Макария (1997). Здесь опять звучит связь с современностью, актуальность прошлого.

В раздел 3 вошли очерки истории финансирования Академии наук с момента основания до реформ начала 1860-х годов (авторы — И.В. Тункина, Е.В. Долгополова, Н.В. Крапошина, И.М. Щедрова). Они посвящены ключевым (реорганизационным и др.) моментам в жизни академии. Финансирование — один из важных рычагов организации науки и управления ею. Между тем специального исследования финансовых потоков в Академии наук на настоящий момент, по данным авторов, нет, поэтому раздел 3 имеет безусловную научную новизну.

Очерки, в основе которых лежат новые документы, раскрывают соотношение бюджетных и внебюджетных доходов Академии наук. С самого начала бюджетная (штатная) сумма дополнялась доходами от коммерческой деятельности академии — продажи гравюр, книг, выполнения типографских заказов, сдачи помещений в аренду и т. п. Но оба источника финансирования отнюдь не всегда были стабильными, что усугублялось, например, периодически вспыхивавшей инфляцией, — и это тоже на злобу дня!

Раздел 4, открывающий 2-ую книгу (авторы — Е.Ю. Басаргина, Е.Н. Груздева, О.А. Кирикова), переносит читателя в начало XX в. На базе новых материалов архивистам удалось прояснить некоторые аспекты взаимоотношений Академии наук и государства в условиях политического кризиса, предшествовавшего революции 1917 г. Явлением национального масштаба становится погружение академиков в круговорот внутривластных процессов. В книге показано, что появившуюся в январе 1905 г. знаменитую статью "Нужды просвещения (Записка 342 учёных)" следует рассматривать и как прецедент, иллюстрирующий новую фазу диалога науки и власти, и как образец самосознания учёных, и как индикатор кризиса власти. Академики рассуждают о задачах правительства в области науки и просвещения, о своём долге перед наукой и открыто выражают протест против положения науки и образования в стране. Со своей стороны августейший президент Императорской академии наук Константин Константинович обвиняет подписавших статью академиков в несоблюдении корпоративной этики. Вокруг "Записки 342 учёных" обнаружено много сопутствующих документов, в основном письма академиков (18 из них опубликованы в Приложении). Авторы публикуют также "Доклад комиссии по вопросу о свободе печати в России". Проблема, над которой размышляли академики, на очередном историческом витке обрела новые грани. Материалы Приложения декларируют право учёных открыто отстаивать свою политическую и общественную позицию.

Публикация "Записки 342 учёных" в Приложении как нельзя актуальна, поскольку этот документ не может быть обойдён теми, кто изучает деятельность Академии наук в начале XX в. Например, в монографии К.В. Манойленко "Андрей Сергеевич Фаминцын" (2016) причины и следствия этой записки проанализированы в специальном разделе.

Далее авторы рассматривают кризис власти в годы Первой мировой войны и научно-организационную деятельность Академии наук, связанную прежде всего с мобилизацией интеллектуальных сил и участием академических учреждений в укреплении обороноспособности страны. Созданная в 1915 г. Комиссия по исследованию естественных производительных сил страны (КЕПС) представлена здесь как инновационный военный проект. А в Приложении опубликованы документы по истории её создания и деятельности.

Большое внимание в разделе 4 уделено международным научным контактам академиков в годы Первой мировой войны. В государстве тогда шли два встречных процесса: расширение связей со странами Антанты и попытки власти так или иначе исторгнуть из академии представителей воюющих с Россией держав. Но эти попытки так и не были поддержаны академиками (в Приложении опубликовано восемь соответствующих документов).

Представляется убедительным вывод, что Первая мировая война разрушила не только четыре империи, но и глобальную империю науки: некогда единое академическое пространство обрело национальные границы (с. 916). Вместе с тем утверждение о враждебности восприятия Академией наук Октябрьской революции требует большей детализации. На самом деле академическое руководство вначале постаралось не заметить свержения Временного правительства, ожидая созыва Учредительного собрания, и забеспокоилось, лишь когда увидело, что узурпаторы укрепляются "всерьёз и надолго" и никому не собираются уступать власть. В итоге значительная часть академиков уехала из Петрограда. Не было единства и среди оставшихся. Одни, в основном математики и естественники (И.П. Бородин, В.Н. Ипатьев, В.А. Стеклов и др.), считали бессмысленной всякую конфронтацию с властью и выступали за сотрудничество с нею, а филолог А.И. Соболевский даже агитировал за большевиков. Другие, возглавляемые А.П. Карпинским и С.Ф. Ольденбургом, пытались призвать коллег к сопротивлению. С трудом принятое Общим собранием Академии наук 21 ноября 1917 г. обращение к учёным с протестом против узурпации власти левыми радикалами фактически осталось единственной официальной негативной реакцией академиков на трагический ход событий. А вскоре само руководство академии пошло на сотрудничество с новой властью.

Отдельная глава (автор — М.В. Мандрик) освещает оценку деятельности Академии наук в газетных публикациях времён Первой мировой войны. Материал газетной полемики — даже в исследовании, построенном преимущественно на архивных данных, — придаёт работе нужную светотень, поскольку раскрывает живой сиюминутный отклик на события (с поправкой на направление того или иного печатного издания).

Последний раздел (авторы — Л.Д. Бондарь, О.А. Кирикова, А.В. Кургузова, Е.К. Спиридонова) посвящён академическим экспедициям XVIII — начала XX в., организованным по инициативе Академии наук или финансировавшимся из её средств (кн. II, с. 951). Опубликованные материалы позволяют проследить взаимодействие Академии наук с различными государственными учреждениями, прежде всего с министерствами финансов, государственных имуществ, путей сообщения, юстиции, иностранных дел.

Большой интерес представляют рассмотренные в разделе 5 сюжеты с преобразованием задач той или иной экспедиции: порой устремления учёных перетекали из прикладной в фундаментальную сферу. Например, изначальная цель экспедиции Д.Г. Мессершмидта, начавшейся в 1719 г., заключалась в поиске и сборе лекарственных растений. Однако в ходе освоения немецким учёным Сибири его верный помощник шведский офицер Ф.И. Страленберг (Табберт) начал проявлять систематический интерес к местной лексике, а затем и к сравнительному изучению языков, впервые продемонстрировав родство финно-угорских народов и выдвинув

идею урало-алтайского родства (кн. II, с. 1268). Весомая лингвистическая составляющая выявлена и в естественно-научных экспедициях П.С. Палласа в 1768—1774 гг., а ранее в Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг. (её ещё называют Сибирской или Второй Камчатской). Таким образом, в XVIII в. лингвистические интересы выкристаллизовывались во многом попутно (и при этом внятно) в полевых исследованиях, стартовавших с прикладными целями, и эти экспедиции получались комплексными (кн. II, с. 1277). В XIX в. Академия наук стала снаряжать уже собственно лингвистические экспедиции.

Выводов, итогов в книге принципиально нет: она заканчивается вместе с последним очерком. Создаётся ощущение открытого финала. Это призыв к продолжению. Что дальше? Своего рода анонсом звучит мысль, намеченная в предисловии И.В. Тункиной: советская власть многое сделала для науки, поскольку именно наука превращает государство в великую державу, и вместе с тем именно советская власть подвергала учёных жестоким преследованиям.

Коллективу авторов удалось самим достичь некоего единства фундаментальных и прикладных целей. Рецензируемое издание рассчитано не только на специалистов-историков, но и на широкий круг читателей. В частности, его могут активно использовать филологи — публикаторы и комментаторы произведений русской литературы. Привязка книги к современным задачам, когда особенно актуально урегулировать взаимоотношения академической науки с государством, выглядит как своего рода сверхвывод осуществлённого исследования.

Actual past: interaction and balance of interests of the Academy of Sciences and the Russian state in the XVIII — early XX century. Outlines of history

Saint Petersburg: Renommée Publishing House, 2018. V. I. 704 p. V. II. 642 p.
Series “Ad fontes. Materials and studies on the history of science.” Issue 9

© 2019 г. E.I. Kolchinsky^{1,*}, S.I. Zenkevich^{2,**}

¹St. Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology, S.-Petersburg, Russia

²The Library of the Russian Academy of Sciences, S.-Petersburg, Russia

*E-mail: ekolchinsky@yandex.ru; **E-mail: s.zenkevich@gmail.com

Received: 07.08.2018

Revised version received: 07.08.2018

Accepted: 21.09.2018

Keywords: archive materials, Russian Empire, Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, state power and the Academy of Sciences, President of the Academy of Sciences, political and social position of the Academy of Sciences.